

Русская Церковь в 1924 году

«Журнал Московской Патриархии» регулярно предлагает читателям материалы, посвященные жизни Русской Церкви в XX веке. Прошла серия статей о кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 году, о начале преследований большевистской властью духовенства и Патриарха Тихона. После Октябрьской революции 1917 года положение Русской Церкви быстро и резко менялось, и каждый год становился новой вехой в ее истории. Этим трагическим временам и будут посвящены новые публикации журнала. Открывает их статья о 1924 годе священника Сергия ИВАНОВА, кандидата богословия, научного сотрудника Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви богословского факультета ПСТГУ.

1924 год был для Советской России годом восстановления народного хозяйства, разрушенного войной, внедрения новой экономической политики (НЭП), годом принятия Конституции, содержавшей Декларацию и Договор об образовании СССР, а также годом преодоления международной изоляции страны, то есть признания революционного правительства Великобританией, Италией, Францией и рядом других государств. Конструирование Советского Союза сопровождалось распределением большевиками земель Российской империи вновь образованным государственным образованиям с конституционным правом «свободного выхода из Союза» и невозможностью изменения подаренной союзным республикам территории «без их согласия»¹. Попытки отдельных лиц добиться включения в РСФСР Украины, Белоруссии, Грузии и других республик только на правах автономии были коллективно отвергнуты ЦК компартии во главе с В. И. Лениным (Ульяновым) в угоду политическим требованиям окраин как неприемлемый великодержавный шовинизм.

В те времена высокопоставленные сторонники коммунистической утопии надеялись на братское сотрудничество народов не иначе как в силу классово-природы советской власти и мечтали об «объединении трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»². Как известно, расставание с иллюзиями, особенно в 1990-х годах, при развале союзного образования, было весьма болезненным. Однако в начале советского проекта эйфория большевистской элиты от победы в Гражданской войне, зачистки России от других политических партий, организованного ограбления храмов и большого церковного раскола

опиралась не только на квазирелигиозную веру в «светлое будущее» СССР, но также на внешнеполитические успехи и хозяйственный подъем страны. Этому же способствовало эффективное проведение денежной реформы, прежде всего декрет о чеканке и выпуске в обращение советской серебряной монеты от 22 февраля 1924 года с использованием изъятого в 1922 году под фальшивым лозунгом помощи голодающим Поволжья церковного серебра³.

Несколько омрачила оптимизм элиты смерть после тяжелой и неизлечимой болезни партийного лидера В. И. Ленина в январе 1924 года, но она же активизировала усилия членов Политбюро ЦК РКП(б) в борьбе за определяющее влияние в партии. Более всех к ней был подготовлен генеральный секретарь ЦК большевиков И. В. Сталин, начавший, по мнению некоторых исследователей, успешную борьбу против своего главного соперника наркома по военным делам Л. Д. Троцкого уже в 1923 году⁴. Что касается смерти Владимира Ильича, то уже в наше время в околонуучной среде возникло одно странное недоразумение в отношении соболезнований по этому поводу со стороны священноначалия Русской Церкви в советской прессе.

Так, в 2017 году на телеканале «День» процитировалось якобы официальное «заявление РПЦ» в связи с кончиной В. И. Ленина как «великого освободителя нашего народа из царства великого насилия и гнета»⁵. В 2023 году писатель З. Прилепин также огласил в телепередаче этот «документ»⁶. Совсем недавно, а именно 6 февраля 2024 года, в телеграм-канале руководителя КПРФ была поставлена под сомнение борьба Ленина с религией. В качестве основания для

*Сотрудники
6-го (антирелиги-
озного) отде-
ления СПО ОГПУ
(слева)*

*Е. А. Тучков
(справа)*

сомнения были предложены ссылки на первую программу РСДРП и отношение к вождю большевиков духовенства, выраженное в словах будто бы уже самого Патриарха Тихона в январе 1924 года: «Мы провожаем освободителя от великого насилия и великого гнета»⁷. Несмотря на то что в действительности вышеприведенные цитаты не имеют никакого отношения к Русской Церкви и святителю Тихону, поскольку взяты из посланий обновленческого «Синода», и на это еще в октябре 2023 года указывал архиепископ Зеленоградский Савва⁸, они без всякой правки продолжают и сегодня циркулировать в качестве полемических аргументов «за Ленина».

В реальности церковно-государственные отношения в восьмой год правления большевиков в России продолжали оставаться крайне напряженными в силу ранее взятого В. И. Лениным антирелигиозного курса, вытекающего из программных положений компартии о несовместимости религии и коммунизма. При этом собственно Политбюро ЦК РКП(б) занималось церковными вопросами уже не так активно, как весной 1922 года. Для этого теперь имелся специально созданный осенью 1922 года партийный орган — Антирелигиозная комиссия (АРК) при ЦК РКП(б) во главе с Е. М. Ярославским (М. И. Губельманом), решения которой исполняло главным образом ГПУ (с ноября 1923 года — ОГПУ), а точнее, 6-е отделение его

Секретного отдела под руководством секретаря АРК Е. А. Тучкова. В числе основных направлений работы комиссии были компрометация священноначалия Русской Церкви среди верующих за счет навязываемых календарных и кадровых решений, законодательная поддержка раскольников в их борьбе с «тихоновцами» и продолжающееся гонение на православное духовенство. Яркими маркерами данного периода стали неожиданное признание обновленцев как законной церковной власти Константинопольским Патриархом, согласие русского епископата с патриаршей политикой лавирования в условиях репрессий и явное проявление Промысла Божия по отношению к Патриарху Тихону, благодаря которому АРК при ЦК РКП(б) так и не смогла провести в жизнь принятые антицерковные решения.

Первым таким неудавшимся решением нужно назвать попытку введения в Русской Церкви нового календарного стиля, которое было принято святителем Тихоном в качестве одного из условий своего освобождения из заключения в 1923 году. В соответствии с договоренностями сторон 1 октября Патриарх выпустил послание о введении нового стиля, согласно которому после 1 октября вместо 2-го следовало сразу 15 октября. Были даны разъяснения, что это соответствует недавнему постановлению Всеправославного собрания Церквей Востока в Константинополе, то есть вводится законной

*Похороны
В. И. Ленина
27 января 1924 г.
Траурная процес-
сия на Красной
площади в Москве
(слева)*

*Е. М. Ярославский
(справа)*

церковной властью, не нарушает догматов и канонов и является исправлением старой православной Пасхалии, а не переходом на западный григорианский календарь. Послание стало распространяться в пределах Москвы, но отпечатали его в типографии с опозданием, лишь в начале ноября. Между тем уже 8 ноября ожидаемая АРК перемена церковного календаря была «временно отложена»⁹ Патриархом в силу выяснившегося отклонения ее большинством Поместных Церквей на фоне широкого неприятия верующими. Реакция надзорных органов не замедлила себя ждать. В середине ноября чекисты арестовали управляющего Московской епархией священномученика архиепископа Илариона (Троицкого; † 1929) и членов Московского епархиального управления, а 20 ноября АРК поручила начальнику 6-го отделения СО ОГПУ провести через Патриарха Тихона отмену возвращения к старому стилю и расклеить по улицам Москвы прежнее патриаршее послание от 1 октября.

Патриарх Тихон отверг циничные требования Тучкова со словами, что никто в мире не навяжет ему действий, не согласных с его совестью, и 23 ноября составил завещательное распоряжение о назначении священноисповедника митрополита Агафангела (Преображенского; † 1928) и священномученика митрополита Кирилла (Смирнова; † 1937) своими заместителями на случай возможного ареста, насиль-

ственного удаления от церковного управления или кончины. В эти же дни Госполитуправление опечатаło канцелярию Патриарха, из которой без согласия святителя изъяло и расклеило по столице уже отмененное им послание о введении нового стиля. От публичного конфликта с государственной властью находящийся под следствием Патриарх Тихон разумно воздержался, утвердив в конце декабря разработанные его соратниками «Соображения на случай дезорганизации церковной жизни». Имея в виду провокацию ОГПУ, Святейший Тихон в ответ на запросы верующих вынужден был благословить выбор календарной даты празднования предстоящего Рождества Христова по желанию самих верующих. Этим и воспользовались церковно-приходские советы, по решению которых в большинстве православных храмов в противовес обновленцам удержали старый стиль.

Осознавая бесперспективность личных угроз святителю Тихону, ОГПУ решило оказать на него давление с наиболее чувствительной стороны, то есть увеличило число арестов православных иерархов. В данной ситуации уже к концу января 1924 года Патриарх стал склоняться к необходимости на время перейти на новый стиль с 17 февраля, о чем сообщил Тучкову, а также доложил на архиерейском совещании 1 февраля 1924 года. Есть красноречивое донесение некоего информатора ОГПУ об этом совещании, обнаруженное священником

Президиум обновленческого собора. 1923 г.

Димитрием Сафоновым в делах Центрального архива ФСБ. Важнейший фрагмент доноса требует нашего особого внимания: «Первоначально все, исключая самого Тихона, горячились, говоря, что лучше пойти в тюрьмы и на пытки, но Тихон успокоил всех, говоря о необходимости лавировать, пока не придет на помощь Промысл Божий. Проявление этого Промысла, по предсказанию "прозорливца", архиепископа Трифона, ожидается в феврале-марте»¹⁰. В процитированном документе ясно видны непоколебимая вера, предельная жертвенность и единство сохранившего в условиях гонений верность Церкви русского епископата, благодатный дар архиепископа Трифона (Туркестанова; 1861–1934), но прежде всего — духовная высота избранника Божия святого Патриарха Тихона.

В ОГПУ очевидно посмеялись доверию образованнейших архиереев каким-то «предсказаниям». В атеистическом мировоззрении его сотрудников отсутствовал «фактор» Божиего замысла о спасении русского народа и вместо него царствовали химеры будущих коммунистических благ земного изобилия. Между тем 5 февраля, то есть когда начальник 6-го отделения занимался арестами духовенства в Петрограде, Патриарх Тихон добился приема у руководителя наркомата юстиции Д. И. Курского, с которым смог, игнорируя Тучкова, договориться об отмене данного под давлением

нового обещания о переходе на новый стиль. Реакция Антирелигиозной комиссии на непредвиденный ход Предстоятеля Русской Церкви была решительной. Тринадцатого февраля на ее очередном заседании постановили ни в коем случае не уступать Патриарху, продолжать следственные действия по его делу с целью давления на святителя, а Курскому — предложить заранее согласовывать свои ответы представителям Церкви с АРК.

При этом члены комиссии не смогли верно оценить ни значение данного вопроса в политическом контексте окончания международной изоляции страны, ни меняющийся расклад сил в Политбюро ЦК РКП(б) в связи со смертью В. И. Ленина. Тринадцатого марта 1924 года Политбюро приняло решение прекратить следствие по делу Патриарха Тихона. Докладчиком по данному вопросу, согласно обоснованному предположению историка С. Г. Петрова, был И. В. Сталин, а инициатива принадлежала Наркомату иностранных дел¹¹. Двадцать первого марта постановление Политбюро продублировал Президиум ЦИК СССР. Неожиданное решение в верхах застало членов АРК врасплох. Дело в том, что, придавая вынужденной церковной лояльности расширительное толкование, Е. А. Тучков уверенно полагал, что Патриарх после выхода из заключения в 1923 году будет действовать по указке ГПУ¹². Теперь же, как он констатировал в докладе своему начальнику

Т. Д. Дерibasу 5 апреля 1924 года, непредвиденное АРК прекращение следствия «внесло в нашу работу по церковникам некоторые затруднения... и наши советы для него [Патриарха Тихона] стали необязательны»¹³. Пророчество архиепископа Трифона (Туркестанова) сбылось, и это явилось большим утешением для Русской Православной Церкви. Тем не менее вопрос о церковном календаре члены АРК и дальше продолжали держать в поле зрения.

Следующим в числе неосуществленных намерений Антирелигиозной комиссии можно назвать попытку создать и сделать неразрешимой проблему легализации православных приходов после выхода святителя Тихона из заключения. Первоначально комиссия в постановлении от 17 июля 1923 года решила допустить регистрацию «тихоновских» епархиальных управлений в тех губерниях, где «особо прочно засели обновленцы»¹⁴. Однако после впечатляющего поражения раскольников в течение лета 1923 года в повестке дня комиссии встала задача сохранения раскола с помощью законодательных ограничений по отношению к сторонникам Патриарха Тихона в проекте «Инструкции по проведению регистрации религиозных групп и обществ».

В июльскую редакцию инструкции 1923 года члены АРК включили в перечень условий отказа в регистрации религиозной общины объединение верующих «около лица, лишенного права или состоящего под судом и следствием»¹⁵, что формально отнимало у Патриарха возможность возглавить верные православию приходы. Между тем в процессе дальнейшей правки инструкции со стороны Народного комиссариата юстиции и НКВД выявилась ущербность данного условия, ведь неизбежная регистрация безусловного большинства религиозных обществ России в этом случае могла стать объективной причиной для прекращения следствия против Патриарха. Выход нашли в замене проблемного условия регистрации на новое: списки членов новых общин должны иметь обязательное заверение у существующих епархиальных управлений, которые де-факто являлись учреждениями раскольничьего «Синода»¹⁶. Таким образом, к будущей радости раскольников, для них был

Патриарх Тихон в гостях у бывшего митрополита Московского и Коломенского Макария (Невского) в Николо-Угрешском монастыре (вверху)

Митрополит Кирилл (Смирнов) (внизу)

подготовлен законодательный инструмент борьбы против «тихоновцев».

Во второй половине ноября 1923 года зампред Антирелигиозной комиссии Н. Н. Попов, выполняя решение комиссии от 31 октября, просил И. В. Сталина ускорить утверждение инструкции в Политбюро и дать тем самым обновленческому «Синоду» власть над непокорными церковно-приходскими советами. «Дальнейшая проволочка, — сообщил Попов, — связана с катастрофическими последствиями для т. н. церковно-обновленческого движения и сведет на нет всю работу антирелигиозной комиссии и Г.П.У. с осени прошлого года»¹⁷.

Владимир Красницкий, Петр Блинов, епископ Антонин (Грановский) в кулуарах собора за беседой (слева)

Патриарх Тихон и митрополит Петр (Полянский). 1923 г. (справа)

В условиях затянувшейся «провоочки» члены комиссии стали колебаться и в постановлении от 26 февраля 1924 года склонились к разрешению организации Патриаршего Синода, но лишь «при условии, если он введет в этот синод ряд лиц, хорошо ведомых ОГПУ»¹⁸. По иронии судьбы 26 февраля 1924 года и Политбюро ЦК РКП(б) утвердило наконец «антитихоновскую» инструкцию по проведению регистрации религиозных обществ.

Оказавшись в двусмысленном положении, АРК взяла паузу в рассмотрении вопроса о практическом проведении утвержденной инструкции, во время которой поступили неприятные для нее новости о постановлениях Политбюро и Президиума ЦИК прекратить следствие по делу Патриарха. В этот же период, то есть в первой половине апреля 1924 года, Патриарх Тихон добился встречи с председателем ЦИК М. И. Калининным, которому передал просьбу о содействии в легализации Священного Синода и епархиальных управлений, а также заявление о незаконности налогового обложения духовенства и храмов¹⁹. Уже тогда было ясно, что утвержденная инструкция прямо противоречит советским законам, но, несмотря на это, 22 апреля АРК приняла очередное противозаконное постановление о временном отказе от регистрации «тихоновских» общин до Предсоборного совещания обновленцев²⁰.

В первой декаде мая Святейший Патриарх Тихон встретился уже с председателем Совнаркома А. И. Рыковым, которому передал те же документы, что и Калининну, сопроводив

их устной жалобой на преимущественное положение обновленцев и противоречие между публикуемыми постановлениями и реальной практикой органов власти в отношении православных²¹. Рыков решил проконсультироваться с наркомом юстиции Д. И. Курским, который в ответном письме председателю СНК от 21 мая 1924 года констатировал, что после прекращения следственного дела Патриарха препятствий для легализации «тихоновской церкви» не существует и ей можно предоставить свободную конкуренцию с обновленцами²². В итоге 17 июня 1924 года Антирелигиозная комиссия оказалась вынужденной отложить применение утвержденной Политбюро инструкции на неопределенное время²³.

Неудача с официальным отказом в регистрации Православия на Руси подвигла атеистов из АРК к тому, чтобы насколько возможно затянуть с предстоящей легализацией церковного управления, а само ее осуществление провести с максимальным репутационным уроном для «тихоновцев», необходимым властям для отрыва народных масс от религии, а точнее от Христа Спасителя. В 1924 году члены Антирелигиозной комиссии предприняли значительные усилия, чтобы взять под полный внутренний контроль работу пока еще незарегистрирован-

ного, то есть, по их словам, «полуофициально-го», Патриаршего управления.

Комиссии удалось обеспечить постоянное присутствие в Священном Синоде таких безвольных архиереев, как архиепископ Тихон (Оболенский; 1856–1926), а также агентурных священнослужителей вроде архиепископа Серафима (Александрова; 1866–1937). Но этого ей было мало, и в перспективе членам комиссии мечталось увидеть в высших органах церковного управления раскольников образца 1922 года. К работе тайных сотрудников охваченный энтузиазмом Тучков добавил неприличное личное посещение заседаний Синода, на которых пытался негативно влиять на принимаемые там решения. Подобная тактика, как справедливо считал авторитетный церковный деятель А. Д. Самарин, являлась следствием реализации давней задачи Госполитуправления по разрушению Церкви ее собственными силами²⁴. Надо ли уточнять, что в контексте декрета об отделении Церкви от государства это было грубейшим нарушением советских законов (если это кого-то тогда волновало)?

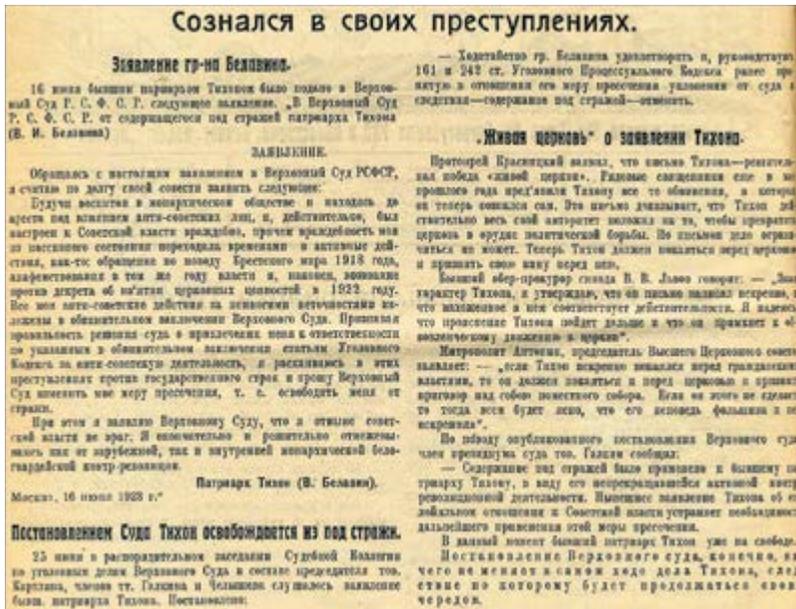
Наиболее грозной на данном направлении в 1924 году стала попытка ОГПУ устроить раскол в православной среде путем организации мнимого примирения обновленческой группы «Живая Церковь» во главе с «протопресвитером всея России» Владимиром Красницким и Православной Церкви. В предыдущем году похожая история «примирения» имела место с председателем обновленческого «Синода» «митрополитом» Евдокимом (Мещерским; 1869–1935), который на переговорах попросил передать Патриарху Тихону предложение удалиться на покой с сохранением знаков патриаршего достоинства. Авантюра Евдокима, естественно, не удалась, однако идея использовать раскольников для очередной церковной смуты Е. А. Тучкову пришлась по душе.

Уже в январе 1924 года Тучков предложил Патриарху ввести председателя Центрального комитета группы «Живая Церковь» В. Красницкого в Синод и, конечно, получил категорический отказ. В начале апреля Антирелигиозная комиссия поручила Тучкову осуществить введение Красницкого в Патриаршее управление, в том числе с помощью «соответствующего воздействия». Евгений Александрович немед-

ленно пообещал Патриарху Тихону не только покаяние от живоцерковного вождя, но и долгожданную легализацию православных учреждений, разрешение на созыв Собора, возвращение арестованного и сосланного духовенства. Во второй половине апреля просьба о принятии в молитвенно-каноническое общение от Красницкого уже лежала на столе Патриарха, после чего состоялось специальное заседание Священного Синода с участием Красницкого и Тучкова. Здесь «протопресвитер всея России» объявил о своих видах на должность заместителя председателя Высшего Церковного Совета и сохранение за собой своего смехотворного обновленческого титула, а личное обещание принести покаяние сопровождал признанием в неготовности признать «собор» раскольников 1923 года незаконным мероприятием.

Благодаря возражениям священномученика архиепископа Петра (Полянского; † 1937) и других участников заседания затея начальника 6-го отделения снова дала сбой. После заседания, по словам присутствовавшего на нем протоиерея Василия Виноградова (1885–1968), ни у кого «не осталось ни малейшего сомнения, что ни Красницкий ни о каком "покаянии", ни Тучков ни о какой легализации патриаршего управления, а тем более в полном составе его обоих установленных Собором 1918 года органов, вовсе не помышляют, а помышляют лишь скомпрометировать Патриарха и патриаршее управление в глазах церковного народа патриаршей Церкви»²⁵. Тринадцатого мая Красницкий уже на личном приеме у Патриарха убедился в бесплодности исполненной им провокации. Раздраженный неудачей «протопресвитер» в следующие два дня написал доносы в ОГПУ, в которых призвал расправиться с «тихоновской» оппозицией при помощи советских судов, ссылок и штрафов. В них же он предложил чекистам недвусмысленный совет: «Все руководство делами церковными вполне находится в руках Сов[етской] Власти, и нужно только чтобы органы Сов[етской] Власти управляли, а не уговаривали тех лиц, которые признают и подчиняются только силе своих классовых противников»²⁶.

Далее ОГПУ, как отметил церковный историк священник Александр Мазырин, «перешло уже к откровенному террору в отношении патриар-

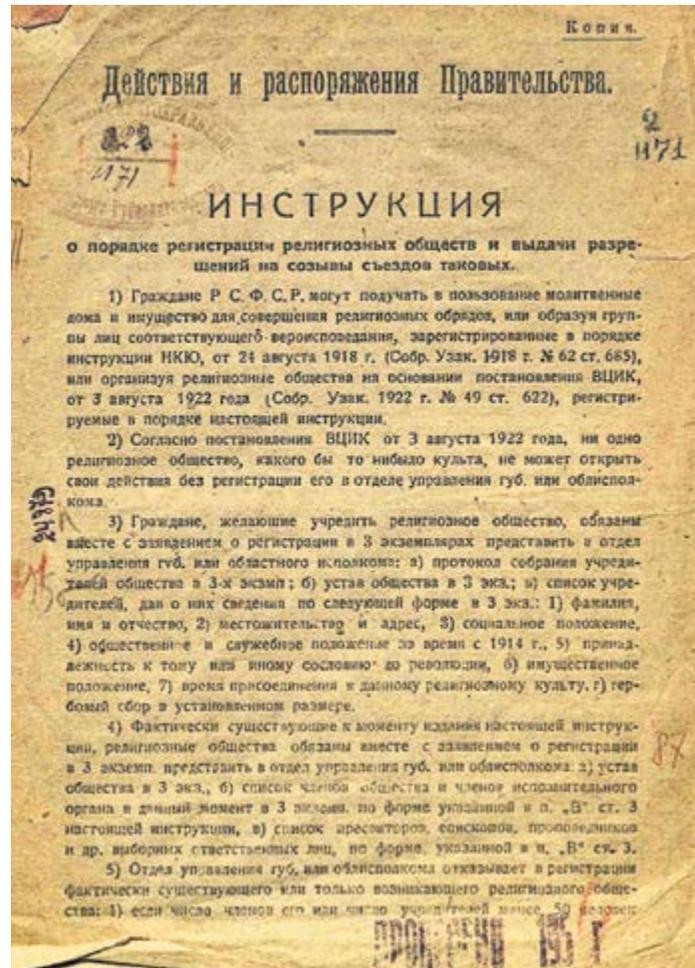

Публикация о Патриархе Тихоне. Журнал «Красная деревня», 1923 г. (слева)

Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений (справа)

шего окружения»²⁷. В Москве прошли обыски среди епископата, были арестованы почти все члены органов управления, включая священномученика Петра (Полянского). В связи с этим 15 мая Патриарх обратился к руководителю правительства А. И. Рыкову с ходатайством об освобождении митрополитов Петра (Полянского) и Серафима (Александрова), но ответа не получил. В завершение операции 19 мая к святителю Тихону вновь явился Красницкий, который в своем лукавом прошении о принятии живоцерковников в молитвенно-каноническое общении и благословении потрудиться в Церковном управлении просил покрыть архипастырской любовью его прегрешения в период обновленческого движения. Имея на руках формальное «покаяние» лидера живцов, Святейший Тихон решил на непрстой компромисс временной уступки ОГПУ с целью вызволить из беды пострадавших архиереев, обеспечив управление необходимыми ему сотрудниками. А затем уже вместе с ними заняться нейтрализацией предполагаемой активности Владимира Красницкого.

Первый пробный шаг Патриарха состоял в положительной резолюции на поданном прошении с предложением рассмотреть участие Красницкого в Высшем Церковном Совете на заседании членов Священного Синода, поскольку оно с необходимостью «предполагало их немедленное освобождение (что и произошло)»²⁸. Затем, действуя в том же русле, Святейший Тихон во время личной встречи добился от

Тучкова обещания отпустить из ссылки своего верного соратника архиепископа Илариона (Троицкого). Тогда же оказавшиеся на свободе члены Синода согласились с компромиссной тактикой Патриарха и по его поручению составили обширный список духовенства, включая 62 архиереев, для ходатайства об их освобождении.

Несмотря на то что решение Патриарха по Красницкому имело пока лишь характер предварительного согласия и проекта, надзорным органам этого было достаточно для продолжения неудачно начавшейся провокации. Почти сразу, то есть в последней декаде мая, в центральную прессу были вброшены заявления Красницкого о том, что будто бы Патриарх Тихон самолично уже «вошел в общение» с Красницким, в состав организованного Высшего Церковного Совета включены шесть членов ЦК «Живой Церкви», а дальше всех ждут Поместный Собор с признанием справедливости социалистической революции, удаление «контрреволюционного» епископата, смена

приходских советов, суды над зарубежными русскими иерархами и проведение церковной политики в духе живоцерковников согласно решениям предыдущих обновленческих съездов.

В этих сложных условиях до конца мая Патриарх направил в ОГПУ несколько прошений о возвращении репрессированных иерархов, включая архиепископа Илариона (Троицкого) и митрополита Кирилла (Смирнова), а также о содействии в организации органов управления²⁹. Тем временем в церковном обществе из-за хвастливых заявлений Красницкого началось немалое смущение, а к Патриарху потянулись депутаты духовенства и мирян с просьбами об отказе от сотрудничества с живоцерковниками. Святейший Тихон с одобрением принимал их прошения и разъяснял, что соглашения, которое могло бы угрожать единству Православия, не будет. При этом он старался выиграть время для обсуждения принятого решения с наиболее авторитетными архиереями, прибывающими из мест заключения. Важным контекстом промедления святителя являлось постановление Антирелигиозной комиссии от 17 июня «в тактических целях» прекратить репрессии против «тихоновцев», отпустить в течение месяца половину из находящихся в ссылках и тюрьмах священнослужителей и, при условии слияния с живоцерковниками, допустить легализацию Синода, ВЦС и епархиальных советов на местах.

Одним из решающих событий в окончании этой истории стала встреча Патриарха с вернувшимся в июне из ссылки выдающимся архиереем Русской Церкви митрополитом Кириллом (Смирновым), окончательно убедившим Святейшего Тихона отказаться от навязанного ему компромисса с группой «Живая Церковь». Услышав патриаршие слова о том, что он болеет сердцем о томлящихся в тюрьмах архиереях, которых по условиям компромисса ему обещали освободить, святитель Кирилл с сыновней любовью ответил: «Ваше Святейшество, о нас, архиереях, не думайте. Мы теперь только и годны на тюрьмы...»³⁰ В результате 28 июня 1924 года на стол Тучкову легло заявление Патриарха о прекращении любых переговоров с Красницким по поводу примирения с живоцерковниками и аннулировании патриаршей подписи об организации Высшего Церковного Управления.

Митрополит Кирилл был отправлен обратно в ссылку, а неутомимый Тучков уже в сентябре снова безуспешно пытался реализовать идею «соединения» Патриарха Тихона и «митрополита» Евдокима (Мещерского).

Между тем исповеднический подвиг православной иерархии раскольники всегда пытались обратить в оружие против святителя Тихона. На протяжении 1922–1923 годов они не уставали твердить, что Патриарх являлся прямым виновником гибели поддержавшего его духовенства и «семьи духовных утопились в море слез»³¹; что он — лишь прощенный политический преступник, который не только не пользуется доверием власти³², но и даже «не может организовать при себе никакого управления»³³; что, имея численный перевес в пастве, он снова ведет всех на «кровавую Голгофу»³⁴. На предсоборном совещании в июне 1924 года «митрополит» Евдоким (Мещерский) в докладе о деятельности возглавляемого им «Синода» также не забыл охарактеризовать «бывшего патриарха Тихона как человека "в крови с ног до головы"»³⁵.

Очередным потрясением для Русской Церкви летом 1924 года стала неожиданная инициатива Константинопольской Патриархии в отношении церковных дел в России. Незадолго до этого, а именно 15 апреля, святитель Тихон объявил запрещенными в священнослужении и находящимися вне общения с Русской Церковью бывшего архиепископа Нижегородского Евдокима (Мещерского), епископа Антонина (Грановского; 1865–1927) и других главарей обновленческого раскола, предав их суду Православного Собора³⁶. Однако уже 6 мая 1924 года Константинопольским Синодом в ответ на приглашение «митрополита» Евдокима (Мещерского) была принята безответственная резолюция о посылке патриаршей миссии в СССР с целью умиротворения церковной смуты. Константинопольский Патриарх Григорий VII тогда же заранее высказался о необходимости немедленного устранения Патриарха Тихона от управления и хотя бы временном упразднении патриаршества в России. Как полагал Григорий VII, после ухода Патриарха и отмены патриаршества должно было исчезнуть и само Патриаршее управление, место которого следовало занять

Константинопольский Патриарх Григорий VII

«ныне свободно и канонически избранному»³⁷, то есть обновленческому «Синоду».

Первого июня 1924 года в интервью советской газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» представитель Фанара архимандрит Василий (Димопуло; 1867–1934) заявил, что 6 мая 1924 года Константинопольский Синод под председательством Патриарха Григория VII единогласным решением отстранил Патриарха Тихона от церковного управления «как виновного во всей церковной смуте», признав обновленческий «Синод» в качестве главного церковного органа Российской Церкви³⁸. Далее последовали победные реплики раскольников о том, что коль скоро «Верховный Судья» и «Епископ Нового Рима» признал каноничность их «Синода», отныне не признавать его — значит отделяться от Вселенской Православной Церкви, а мирянин В. И. Беллавин — просто раскольник и глава тихоновской секты.

В связи с новыми событиями 18 июня 1924 года Святейший Тихон написал послание Григорию VII, которое под расписку передали Василию (Димопуло). В нем возникшее у фанариотов намерение отправить комиссию в Россию было квалифицировано как вмешательство во внутренние дела другой Автокефальной Церкви, на что у них, согласно 2-му и 3-му правилам II Вселенского Собора, не было никаких полномочий. Отсюда следовал

вывод о незаконности отправки комиссии без сношения с главой Поместной Церкви. Здесь же Патриарх указал на неточность понимания Григорием VII церковных течений в России, неверность его мнения о необходимости отменить патриаршество в Русской Церкви, поддержку своей деятельности всем верующим народом, а также запрещение в священнослужении вождей обновленчества за произведенную смуту, раскол и незаконный захват власти³⁹. Какие бы ни были надежды у Святейшего Тихона, Григорий так и не внял братскому патриаршему увещанию, хотя поездка «миссионеров», которых уже поджидал Е. А. Тучков, все-таки не состоялась по политическим причинам.

Благодаря активности Архиерейского Синода РПЦЗ в разъяснении ситуации в России большинство Восточных Патриархов, в отличие от руководителя Константинопольской Патриархии, в этот период отказались признать раскольников законной церковной властью. На этот факт вплоть до начала осени ссылались русские иерархи на Родине, опровергая публикации раскольников в советских газетах. Позиция Константинопольского Патриарха, объясняли они своей пастве, являлась следствием дезинформации со стороны Евдокима (Мещерского), и Григорий VII в ответ на непрошенные советы получил от Святейшего Тихона достойную отповедь⁴⁰.

В августе 1924 года при Председателе ЦИК СССР был создан Секретариат по делам культур во главе с П. Г. Смидовичем, и у православных появились надежды на смягчение антирелигиозного курса правительства. Третьего сентября между Смидовичем и представителями Патриарха митрополитом Петром (Полянским) и священномучеником архиепископом Николаем (Добронравовым; † 1937) состоялась встреча, во время которой Святейшему Тихону была передана просьба изложить свои соображения о причинах невозможности календарной реформы в Церкви. Тридцатого сентября Патриарх Тихон написал соответствующее заявление в ЦИК, где подробно обосновал свой отказ отсутствием согласия всех Поместных Церквей и невозможностью при создавшихся условиях войти с ними в контакт, недовольством и сопротивлением народа, а также вмешательством в дело реформы со-

ветской власти в виде арестов и провокаций. Впервые в документе такого уровня было упомянуто об угрозах Е. А. Тучкова патриаршему управлению, провокационные действия «агентов Правительства», а также отмечено «беспримерное внешнее потрясение» Церкви в созданных для нее условиях.

Это заявление содержало точную характеристику положения Русской Православной Церкви в 1924 году, прозвучавшую непосредственно из уст Патриарха и потому наиболее ценную для нас сегодня. «Она лишена материальных средств существования, — безбоязненно обличал гонителей Церкви святитель Тихон, — окружена атмосферой подозрительности и вражды, десятки епископов и сотни священников и мирян без суда, часто даже без объяснения причин, брошены в тюрьму, сосланы в отдаленнейшие области республики, влачimy с места на место; православные епископы, назначенные нами, или не допускаются в свои епархии, или изгоняются из них при первом появлении туда, или подвергаются арестам; центральное управление Православной Церкви дезорганизовано, так как учреждения, состоящие при Патриархе

Всероссийском, не зарегистрированы и даже канцелярия и архив их опечатаны и недоступны; церкви закрываются, обращаются в клубы и кинематографы или отбираются у многочисленных православных приходов для незначительных численно обновленческих групп; духовенство обложено непосильными налогами, терпит всевозможные стеснения в жилищах, и дети его изгоняются со службы и из учебных заведений потому только, что их отцы служат Церкви»⁴¹.

В заключение следует заметить, что обращения Патриарха к членам правительства в обход ОГПУ привели в итоге к неудачам Антирелигиозной комиссии в насаждении нового стиля в Православной Церкви и организации слияния с обновленцами в видах ее компрометации, предполагаемого нового раскола и отхода от Патриарха его сторонников. Однако перемены антирелигиозного курса властей в этом году не произошло, органы Высшего Церковного Управления остались нелегальными, репрессии против православной иерархии и мирян не прекратились.

Священник Сергей Иванов

- ¹ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Издание ЦИК СССР. 1924. С. 7.
- ² Там же. С. 4.
- ³ *Иванов Сергей, свящ.* Святой Патриарх Тихон и изъятие церковных ценностей в 1922 году. М., 2024. С. 453–473.
- ⁴ *Лобанов В. В.* Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008. С. 146.
- ⁵ *Фефелов А.* Церковное пророчество о мавзолее // Изборский клуб. 2017. № 4 (50). С. 76.
- ⁶ URL: <https://ya.ru/video/preview/4578295834979615033> (дата обращения: 12.05.2024).
- ⁷ URL: <https://t.me/s/zyuganov/6209> (дата обращения: 12.05.2024).
- ⁸ URL: <https://t.me/s/kartezianec?q=прилепин> (дата обращения: 12.05.2024).
- ⁹ Распоряжение Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России // Церковные ведомости. 1923. № 23–24. С. 2.
- ¹⁰ Цит. по: *Сафонов Д.*, свящ. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М., 2013. С. 463.
- ¹¹ *Петров С. Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.) / отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 2004. С. 366–367.
- ¹² Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.: в 2 кн. / издание подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М.; Новосибирск, 1997–1998. Кн. 2. С. 402.
- ¹³ Там же. С. 420.
- ¹⁴ Там же. Кн. 1. С. 529.
- ¹⁵ Там же. С. 440.
- ¹⁶ *Петров С. Г.* Указ. соч. С. 354.
- ¹⁷ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 434.
- ¹⁸ Протоколы Комиссии по проведению отделения Церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В. В. Лобанов. М., 2014. С. 119.
- ¹⁹ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 2. С. 420, 509.
- ²⁰ Протоколы Комиссии по проведению отделения Церкви от государства... С. 126.
- ²¹ Там же. С. 430.
- ²² Там же. С. 432.
- ²³ Там же. С. 131.
- ²⁴ Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). Выдержка из письма А. Д. Самарина деятелям Зарубежной Церкви с изложением событий церковной жизни в России / вступ. статья, публ. и примеч. О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2010. № 4. С. 62.
- ²⁵ *Виноградов В., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. Патриарха Тихона (1923–1925 гг.): По личным воспоминаниям. (К 50-летию церковной и научной деятельности автора). Мюнхен, 1959. С. 39.
- ²⁶ Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 736.
- ²⁷ *Мазырин А., свящ.* На какой компромисс с обновленцами соглашался Патриарх Тихон в 1923–1924 гг. Часть 2: Переговоры с «Живой Церковью» Владимира Красницкого. 1924 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 37. С. 169.
- ²⁸ Там же. С. 171.
- ²⁹ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 372–374.
- ³⁰ Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / сост., предисл. и примеч. О. В. Косик. М., 2000. С. 408.
- ³¹ ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 12. Л. 64.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Л. 56.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Всероссийское церковное Предсоборное совещание // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1924. 12 июня. № 132. С. 6.
- ³⁶ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб.: в 2 ч. / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 315.
- ³⁷ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 194.
- ³⁸ Вселенский патриарх отстранил б[ывшего] патриарха Тихона от управления российской церковью // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1924. 1 июня. № 124. С. 4.
- ³⁹ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 377.
- ⁴⁰ *Мазырин А., свящ., Кострюков А. А.* Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017. С. 75.
- ⁴¹ Акты Святейшего Тихона... С. 337.